

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ
ПРОФЕССИОНАЛ

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж - аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание - End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Темный инстинкт

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Темный инстинкт : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Следствие ведет профессионал. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-699-97170-1

Словно сама смерть поселилась на роскошной даче всемирно известной оперной примадонны Марины Зверевой: ее мужу перерезали горло, ближайшей подруге разбили голову каминными щипцами, саму певицу задушили в собственной спальне. Нет, это не дело рук беглого маньяка-убийцы, бродящего где-то в округе, — к такому выводу приходит следствие. Убийца — человек из ближайшего окружения Зверевой. По ходу расследования выясняются все новые, порой весьма пикантные, подробности жизни столь дружной с виду семьи, члены которой одержимы самыми темными страстями и инстинктами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-97170-1

«Покорный раб ищет Строгую
Госпожу».

Из газеты брачных объявлений

Глава 1

СОН

«Это был странный пугающий мир, где бесконечными вереницами шествовали рыжие муравьи величиной с кошку, где по стенам разрушенных домов вился багровый плющ, где капля за каплей назойливо долбила камень и от влажной духоты было нечем дышать.

И все это, милая Елена Александровна, я видела и ощущала чрезвычайно отчетливо, с ужасом понимая — это и есть ТО САМОЕ МЕСТО, где мне и надлежит теперь обитать. Мое убежище, моя последняя нора. Но прежде я должна освободить его от... Я путано рассказываю, но не беда — вы поймете, а бумага стерпит. Словом, там, на полу, покрытом какими-то домоткаными половиками (отчего именно домоткаными, интересно?), лежал труп. Я не могу уточнить, хотя и подозреваю, как для вас это важно, принадлежало ли то призрачное тело мужчине или женщине. Этого я не знала тогда во сне. Знала только, что *от трупа я должна во что бы то ни стало избавиться*. От этого зависит сама моя жизнь. И вот я схватила тело за ноги и волоком потащила в ванную, понимая, что вынести тело целиком мне не под силу. А значит, для того чтобы избавиться от этого ужаса, мне сначала предстоит *расчленить* его. Ванна, старая и ржавая, словно плыла сама по себе в серой пустоте. Я опустила тело в ванну, извлекла откуда-то снизу пилу (просто протянула руку и взяла — понимаете?), приложила ее сначала к коленям. Затем подумала, что легче было бы начать с рук, с плечевого сустава. А затем уже подумала, что самое страшное — это отчленять голову. И тут в это самое мгновение я увидела: ОН смотрит на меня. И глаза его — мои глаза. И проснулась!»

Елена Александровна опустила письмо на колени и восторженно взглянула на своего внука Сергея Мещерского, стоявшего у окна, за которым сеял мелкий, скучный московский дождик. Мещерский привез ей продукты, газеты, а также почту. Делал он это регулярно — каждый вторник и каждую пятницу. Сегодня и была как раз пятница, а на дворе стоял сентябрь, золотой и тихий.

— Ну и что ты на это скажешь, Сереженька? — Она отложила письмо в сторону и сняла очки-хамелеоны.

Мещерский пожал плечами.

— Сейчас редко кто пишет письма, баба Лена.

— Марина писала мне всегда.

— И всегда рассказывала свои сны?

— Не смейся.

— Да разве я смеюсь? Я умиляюсь. Прислать письмо только для того, чтобы рассказать мерзкий сон. Стильно, ничего не скажешь. Она что, объяснений от тебя требует?

— Марина тревожится.

Мещерский отвернулся к окну. Баба Лена в своем репертуаре — вещие сны, гадание мадам Ленорман, предсказавшей судьбу Наполеона, карты Таро, труды Блаватской на прикроватном столике, статьи о проблемах месмеризма (да-да! — статьи и какие, несмотря на груз восьмидесяти лет) в новомодный теософский журнальчик «Светоч жизни», посещение «Сред» в культурном центре музея Рериха. И длинная очередь тех, кто приходит в эту тесную однокомнатную квартирку в доме у Павелецкого вокзала (в том самом, где гастроном), чтобы посоветоваться с «милой, чуткой, мудрой Еленой Александровной о сугубо личном, деликатном и крайне важном».

Баба Лена вот уже лет двадцать как слыла одной из самых влиятельных и модных столичных гадалок и предсказательниц. Как ей удавалось столько лет держаться на гребне мистического успеха, внук ее Сергей Юрьевич Мещерский только диву давался. Однако среди посетителей Елены Александровны сплошь и рядом попадались люди известнейшие — балерины, музыканты, актеры, певцы, художники. Ей звонили со всех концов бывшего Союза — из Тбилисской духовной академии, Ассоциации ясновидцев Эчмиадзина, Львовского Круга Посвященных, Сербской Лиги Радуги и многих других модных и весьма туманных организаций. Одно время (как раз перед последними выборами) в

квартирку на Павелецкой зачастили какие-то юркие боро-
датые человечки — все вроде какие-то «аналитики», поли-
тологи, обозреватели чего-то и при чем-то, секретари-ре-
ференты исполнительных комитетов каких-то партий и до-
веренные лица кандидатов в депутаты. И все они жаждали,
а точнее, даже пылко алкали немедленных и максимально
точных прогнозов, обещаний, категорических ответов но-
вооявленной великой Дельфийской Пифии, увы, потеряв-
шей свой традиционный треножник.

От всего этого утомительного и крайне распушенно-
политизированного бедлама у милейшей Елены Александр-
овны резко подскочило артериальное давление, и она, по
ее горделивому выражению, «недвусмысленно указала по-
литиканам на дверь».

— Я не шарлатанка, — гневалась баба Лена. — Этим мо-
лодчикам более подошли бы те, с позволения сказать, *кол-
дуны*, которые публикуют объявления в газетах, продаю-
щихся в электричках: «Приворожу с гарантией. Оплата по
конечному результату».

С тех пор она предпочитала давать консультации только
избранному кругу лиц — в основном давним и проверен-
ным своим клиентам, в числе которых, как знал Мещер-
ский, была и...

— Марина пишет, что похудела на одиннадцать кило-
граммов, — Елена Александровна вновь вернулась к пись-
му. — За границей сейчас сносно лечат от ожирения. Не
хмыкай, пожалуйста. Избыточный вес — проблема всех вы-
дающихся певцов. Это плата за голос. У них всех что-то
происходит с диафрагмой. Взгляни хотя бы на Паваротти. А
для певиц эта проблема нередко вообще оборачивается ка-
тастрофой. Тем более при таких щекотливых обстоятельст-
вах, как у Марины.

Мещерский оторвался от созерцания заоконного пейза-
жа и уселся в кресло напротив. Баба Лена уже все уши про-
жужжала про свою Марину. Правда, совсем уж ничего о
Марине Ивановне Зверевой стыдно было бы не знать. О ней,
кстати, охотно и подобострастно повествовалось в послед-
нем выпуске передачи «Оперная сцена». Зверева была зна-
менитой певицей, несравненным меццо-сопрано, жемчу-
жиной русской оперной школы. Последние десять лет она
выступала только за рубежом. Но Мещерский еще помнил

те времена, когда в начале восьмидесятых он студентом-первокурсником вместе с Еленой Александровной посещал Большой театр, когда там давали «Бориса Годунова», где Зверева блистала в роли Марины Мнишек. После каждой ее арии партер и ложи взрывались громом аплодисментов.

— Она что, совсем уже не поет в театре? — спросил он, надо же было проявить уважение к бабуле и выказать заинтересованность в том, что ее занимало в данную минуту.

— Она дает только сольные концерты. Ей платят столько, что теперь она может уже это себе позволить. Записи мне, между прочим, присылает с каждого.

— Ба, а ей сколько лет-то?

— Кажется, пятьдесят два.

— И ты говоришь, она опять вышла замуж?

— Вышла. Год назад. А что тут удивительного? Ну что ты все время хмыкаешь? Ты вылитый твой дед-покойник. Он тоже все вот так губы кривил. Где тебя воспитывали, оболтуса?

— В интернате. Ну, извини. Забавно стало. И в который же раз она промаршировала под венец? В третий, в четвертый?

— Это ее четвертый зарегистрированный брак.

— Живут же люди. Тут и один-то раз никак не женишься. Мда-а, здорово. Ну а что она от тебя-то хочет по поводу этого своего кошмарика?

— Она хочет, чтобы ей помогли. Ты помог.

— Я?

— Именно ты. Не знаю, откуда у нее уверенность, что на столь легкомысленного субъекта можно положиться в трудную минуту, — Елена Александровна поджала губы. — Но именно этого она хочет... Словом, она просит тебя приехать в Сортавалу и побыть там, пока окончательно не решится дело с...

— С чем же?

— С оглашением завещания.

Мещерский поморщился.

— Да, чудные времена наступили, Сереженька, — Елена Александровна заметила реакцию внука. — Звучит как, а? *Оглашение завещания!* Фу-ты ну-ты — ножки гнуты. Но все дело в том, что сейчас появились люди, которым действительно *есть что завещать*. Много таких народилось —

словно шампиньонов на куче сам знаешь чего. Откуда деньги? О, этого нам уже не скажут. Но Марина не из их породы. Она великая певица. Гений. По ее жизни будут судить о нашем времени — о конце века, конце тысячелетия. И вообще, близятся сроки, Сереженька, близятся. Я чувствую это. Мир меняется. И этот сон — только предвестник.

— Чего предвестник, баба Лена? — Мещерский задавал вопросы с добродушным любопытством. Бабулю снова кинуло в пучину мистических символов.

— Надвигающихся событий, мой мальчик. Какие они будут, гадать не хочу — не знаю. Но что будут, я чувствую. Мы все скоро в этом убедимся.

— Этот сон — результат плотного ужина. Сама же говоришь — Зверева толстая, поесть любит. Вот и приснился кошмар с трупом.

— Труп — это как раз не самая важная деталь этого сновидения, — Елена Александровна откинула гладко причесанную седенькую головку на спинку кресла. — Еще Птолемей Эфесский в своем труде «О снах и событиях» указывал, что мертвецы обычно снятся к переменам погоды. И это проверено практикой.

— Ну да, к дождю. А что же тебя тогда в этом кошмаре так насторожило? Погоди-погоди, — Мещерский даже оживился. — Я сейчас вспомню, что она там еще перечисляла: гигантские муравьи... брр — пакость, багровый плющ, ванна, пила... И привидится же такое: расчленение жмурика. А по-твоему, какая в этом сне ключевая деталь? Ну что старичок Фрейд мог из всего этого извлечь?

Елена Александровна не отвечала. Мещерский подождал, потом взял письмо.

— И все же я прошу тебя, Сережа, съезди к Зверевой и погости у нее недельку-другую, пока там все не уладится. — Елена Александровна протянула руку и погладила внука по голове. — Она пишет, там соберутся родственники, ее друзья. Заодно и познакомишься с ними. И с новым ее мужем тоже. Думаю, это будет весьма интересно.

— Значит, это она родственников боится? Из-за завещания, да?

— Марина в своей жизни, а она была у нее трудной, никогда и ничего не боялась. Но у каждого из нас наступает момент, когда теряем ощущение реальности. И вот в такие

периоды обращаемся к волхвам. Нас страшит свобода самостоятельного выбора. И все кажется, что кто-то — неважно, по кофейной ли гуще, по картам ли, звездам — укажет нам самый верный, самый безболезненный и легкий путь. Как будто это возможно! Но Марина не стала бы просить такой банальной и лживой подсказки. Она всегда все решала для себя сама — и в творчестве, и в жизни. И сейчас тоже решит... Бог даст. Но ей просто необходимо, чтобы рядом с ней оказался человек или люди, которые смогли бы успокоить ее тревогу и защитить ее.

— Да от кого защитить-то? — воскликнул Мещерский. — Ну скажи прямо: певица боится семейного скандала из-за завещания и хочет нанять кого-нибудь, например, телохранителя, который смог бы все это безобразие пресечь. Ну так, нет?

— Пусть будет так, если тебе проще именно этой фразой обозначить складывающуюся ситуацию. К слову, там чудесные места — Карелия, Ладога. Северный рай. Дача комфортабельная в сосновом лесу на берегу озера. Все равно ведь ты в отпуске, бездельничаешь.

— Мы с Кравченко хотели в Сочи махнуть на той неделе. У него тоже отпуск с понедельника.

Елена Александровна улыбнулась. Она преотлично знала Вадима Кравченко — закадычного приятеля своего внука.

— В таком случае поезжайте вдвоем. Тем более твой приятель профессионал в подобных делах, ты сам мне хвастался.

Мещерский снова поморщился. Кравченко, в прошлом кадровый офицер КГБ (а потом ФСБ), в настоящее время тянул лямку (за очень даже неплохие, как он выражался, «бабки») начальника личной охраны у столичного бензинового короля Василия Чугунова, более известного в деловых кругах под кличкой Чучело. Однако его босс вот уже три месяца подряд как лечился от цирроза печени в частной клинике в Бад-Халле в Австрии. И намеревался пробыть там до самой глубокой осени.

Кравченко неотлучно провел возле него все лето, а теперь, сдав опостылевшее больничное бдение напарникам-телохранителям, приводил в порядок дела службы безопасности в московском офисе Чугунова. С понедельника же у него наступал законный отпуск.

Ну что ж, в принципе Вадька, если б захотел, смог бы составить ему компанию — Мещерский вздохнул и спросил примирительно:

— А что вдруг Зверева в такую глушь забивается — в Карелию? Что, другого места не нашлось для родственного съезда?

— Ну какая глушь? Там курорт, целебные воды. Раньше очень славились. Ее первый муж, ныне покойный, построил там дачу, считай что виллу, — это когда они Государственную премию получили за постановку «Царской невесты», — в кооперативе. Тогда, в семидесятых, весь Большой театр строил дачи в Прибалтике — в Эстонии, на Рижском взморье, в Клайпеде. А Зверева с мужем и еще некоторые остановились в Сортавале. Она пишет, там очень красиво: настоящая маленькая Финляндия. И дом превосходный, она его несколько лет назад перестроила. Туда время от времени навевывались дочь и сын, дети первого мужа от первого брака. А потом, — Елена Александровна снова улыбнулась, — Марина верит в особую благотворную ауру этого места. В этом доме она всегда чувствовала себя хорошо.

Мещерский не выдержал и снова хмыкнул. Престарелая дама посмотрела на внука с сожалением.

— Не смейся над старухой бабкой, о, она еще не выжила из ума. Дома, где мы живем, влияют на наши судьбы. Вот, например, кумир твоего детства Брюс Ли купил дом в Гонконге, предварительно не посоветовавшись с тем, с кем нужно. А потом что-то почувствовал. *Что-то такое*, понимаешь? Нехорошее. Пошел, спросил старых людей. А прогноз оказался самый мрачный: проклятое место. Но деньги уплачены, разве дом бросишь? Ну и остался. А что с ним стало, ты знаешь лучше меня. Далее: его сын Брендон Ли жил в том же доме. Как он кончил, какой нелепой и загадочной гибелью на съемках фильма — ты тоже читал, наверное. Так что... — Елена Александровна устало закрыла глаза. — А Сортавала очень тихое место: сосны, озеро, скалы, чайки. Из Питера добраться просто. Семья съедется туда на отдых, ну, заодно и дела должны решиться.

Мещерский хотел было спросить, зачем певице вдруг приспичило так срочно решать имущественно-наследственные вопросы и втягивать в это решение родственников, но вместо этого спросил совсем о другом:

— Ба, а у тебя ее записи есть? Хочется услышать ее голос. Ну, чтоб окончательно с тобой согласиться.

Старушка молча кивнула на столик в углу комнаты. Там стоял магнитофон-двухкассетник (подарок внука). Кассета была уже вставлена. Мещерский включил. Слушал молча.

— Это ария принцессы Эболи из «Дон Карлоса», — сообщила Елена Александровна наставительно.

Мещерский кивнул: Верди. Ария кончилась. Секунду было тихо, а затем с пленки зазвучал новый голос — высокий, чистый, кристально ясный. Совершенно иной по тембру и окраске.

— Неужели это тоже она? — Мещерский обернулся. — От таких низких нот к такому... Как она поет!

— Это не она поет.

— Не она? Я думал, что на этой кассете у тебя нет других певиц.

— Это не певица, — Елена Александровна тяжело поднялась из кресла. — Это «Пирр и Деметрий», редко исполняемая опера Скарлатти. И поет в ней редчайший голос — мужское сопрано.

— Мужское?! Но это... черт возьми, это же женский голос!

— Это поет Андрей Шипов. Восходящая звезда русской оперы. Муж Марины, с которым ты, надеюсь, скоро познакомишься.

Мещерский смотрел на магнитофон, недоверчиво вслушиваясь в нежные рулады, причудливое кружево сложнейшей колоратуры этого, как оказывается, не женского, но никак и не мужского, а какого-то *ангельского* голоса — *небесного*, абсолютно бесполого.

Прошло три дня. Теплым вечером, навевавшим мысли об ушедшем лете, Мещерский и Кравченко сидели в комнате отдыха на тренировочной базе охранной фирмы «Стальная лилия», где Кравченко по контракту консультировал группу выпускников.

Мещерский стал гостем «Стальной лилии» не впервые. И каждый раз его здесь чем-нибудь да удивляли. Однажды он наблюдал тренинг новичков. В зале для стендовой стрельбы дюжие молодцы занимались странной гимнастикой — быстро и резко приседали, прыгали, бежали на месте, а

затем молниеносно выхватывали пистолет и по-ковбойски (несколько нелепо и картинно) палили по мишеням. Тренер пояснил тогда Мещерскому, что у новичков искусственно вызывается чувство страха: «Семьдесят приседаний — и достигается нужная степень возбуждения. Они должны победить страх. Таким образом мы готовим их правильно *входить в перестрелку*».

В следующий раз Мещерский лицезрел здесь еще более причудливый вид гимнастики, скорее смахивающей на фантастические балльные танцы. Разбившись на пары, тренирующиеся под музыку кружили по залу, слегка касаясь друг друга плавными отточенными движениями. И вдруг весь этот балет сменился серией жесточайших ударов. Кравченко, ухмыляясь, потом объяснил приятелю: «Это *капоэйра*, Серега. Сейчас все прямо помешались на этих танцульках. Капоэйра — древнее бразильское боевое искусство. Ты бы посмотрел, как профессионалы ее «пляшут»! К нам тут приезжали испанцы из мадридской школы. Вот это, я скажу, зрелище. А наши — битюги, тяжелы на подъем. Но денежки за обучение платят. Желают блеснуть перед боссом капоейрой, ну и пусть. Мы не препятствуем, троих инструкторов наняли и хореографа».

Сейчас, попивая горячий чай из термоса, Кравченко только благодушно шурился и кивал, слушая рассказ приятеля о певице Зверевой и ее приглашении. Налил другу вторую чашку, бросил туда кусочек лимона. Изрек словно бы в раздумье:

— Собственно, мне без разницы, куда податься. Скучно тут. Скоро дожди начнутся в Москве. Только и там мы задохнем, Серега, с тоски. С этой вашей оперой...

Мещерский пил чай.

— Катя звонила? — спросил он тихо.

— Угу. Довольная! Приедет второго октября. Просила встретить в Шереметьеве. С музыкой, между прочим.

С девушкой Катей — сотрудницей пресс-центра областного Управления внутренних дел, капитаном милиции и журналистом в одном лице, у приятелей отношения были сложными. «Треугольник» давно уже требовал *благородного жеста*. И Мещерский с грустью сознавал, что сделать его, видимо, предстоит именно ему: «Уйду с дороги, таков закон...» — напевал он порой словно бы в шутку и сам при-

творялся перед собой, что это всего лишь старая песня, а не мудрый совет, поданный свыше. Неделю назад они проводили Катю вместе с двумя подругами в Грецию — в отпуск. И теперь оба скучали, хотя и не желали в этом признаться друг другу.

— Мы к концу сентября вернемся, — робко начал Мещерский. — Катюшка рада будет, что мы глотнем свежего воздуха. Делать на этом озере особо нечего, я так понял. Ну, если конфликт возникнет — вмешаемся. А нет — так поживем. Там у них лодка моторная, корты есть.

Кравченко слушал внимательно, однако нашел нужным возразить с кислой миной:

— Дожди ка-ак зарядят там. Размокнем, как промокашка. Балтика ж! Правда, пиво там... Да ладно, давай рискнем. Поедем, сделаем приятное Елене Александровне. Кстати, передай бабуле, что я ее по-прежнему нежно люблю. Слушай, а в чем там все-таки дело? Не темни. Кроме этого идиллического сна, что еще?

— Ничего.

— Как? Так из ничего и выйдет ничего, друг мой ситный. Насколько я понял, Елена Александровна определяет ситуацию как тревожную, требующую разрядки со стороны третьих лиц. А ты уверяешь, что речь не идет о реальной угрозе клиенту. Тогда за каким лешим мы в такую даль поехали?

Мещерский вспомнил, что всего час назад Кравченко, надувшись от важности, читал своеобразную лекцию выпускникам «Стальной лилии» как раз на тему организации работы службы безопасности в случае возникновения угрозы жизни подопечного лица. В его вальяжно-небрежной, однако ужасно заумной речи то и дело проскальзывали такие перлы, как *устранение причины конфликта, нахождение компромисса, снятие эмоционального стресса* и тому подобное.

— А что делать, если клиент заявляет, что его хотят убить? — любопытствовал один из слушателей.

— Первый ваш шаг — скорейший вывод клиента из зоны опасности. Заметьте, мы еще не говорим о степени ее реальности — это вопрос особый, — вещал Кравченко. — Сначала вы должны немедленно сменить весь его образ жизни: местожительство, маршруты передвижения, график работы, отдыха. Установить наблюдение за всеми лицами,

имеющими к нему доступ, обеспечить его личную охрану. Ну, это по возможности, естественно. — Кравченко улыбнулся. — И в этом случае никто вас не осудит, если вы примете и кое-какие меры в отношении себя. Только идиоты лезут на рожон. А потом вы можете заняться изучением и противной стороны, от которой и исходит эта реальная или вымышленная — это уж вам определять — угроза. Однако установить эту самую *противную сторону* бывает порой потруднее, чем выполнить все предыдущие пункты ваших обязанностей перед клиентом.

— Вадя, я так думаю: бабка зря меня просить не стала бы, — твердо сказал Мещерский. — О Зверевой, кроме уже сказанного, я больше ничего сообщить не могу. Звонил мне вчера ее секретарь. Считай, что получили мы с тобой официальное приглашение в гости от мировой знаменитости. Дама она оригинальная. Общается с такими людьми, про которых мы либо в газетах читали, либо в книжках, либо по телику их видели. А посему и ведет себя она соответственно. Муж ее — личность еще более занятая. К тому же, как мне бабуля призналась, и брак у них...

— На сколько она его старше?

— Кажется, на двадцать пять лет.

— Наскока-наскока? — Кравченко аж присвистнул. — Ты этого счастливчика видел?

— Нет. Только слышал, как он пел.

— Хорошо?

— Не могу тебе сказать. Чудно. Словом, ничего подобного я прежде...

— Увы, Серега, в опере я ни бельмеса. Ферштейн? С Катькой вон зимой на «Кармен» ходили в Большой, помнишь? Катька как лампочка вся светила, ты тоже — того, ну кумекал, в общем, даже замечания какие-то выдавал. А я — как пень. — Кравченко сокрушенно развел руками. — В одно ухо влетело, из другого... Так что с операми у меня — швах.

— Не в опере тут дело, Вадя.

— Ну это ясно. Наследство, да... А этот муж ее третий, ну прежний, действительно дорого стоил?

— Очень дорого. Зверева, насколько я узнал, выходила замуж четыре раза. Первый был дирижер Новлянский. У него к тому времени от первого брака было уже двое детей. Зве-